

**Известия Таврической
ученой архивной комиссии**

Книга 43

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
ИЗЗ

ИЗЗ Известия Таврической ученой архивной комиссии: Книга 43 / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 203 с.

ISBN 978-5-517-93190-0

Таврическая Учёная Архивная Комиссия регулярно публиковала сборник трудов «Известия Таврической Учёной Архивной Комиссии» (ИТУАК). Всего, с 1887 по 1920 годы, было выпущено 57 томов этого издания, в которых было опубликовано более 400 научных статей, исторических документов, археологических находок. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1909 года.

ISBN 978-5-517-93190-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Фридрихъ Великій и Крымскій ханъ.

I.

Брадобрей и дипломатъ изъ Крыма.

Въ октябрѣ 1761 года, когда король прусскій Фридрихъ Великій, испытывавшій одновременно со всѣхъ сторонъ удары судьбы, находился въ лагерѣ подъ Штреленомъ, мгновенно по лагерю разнесся слухъ, что будто бы приближается посольство отъ татарскаго хана съ предложеніемъ находившемуся въ опасномъ положеніи королю помощи, крайне для него необходимой и вполнѣ неожиданной изъ столь отдаленныхъ мѣстъ.

Вскорѣ и дѣйствительно появилась фантастическая группа изъ нѣсколькихъ лицъ въ восточныхъ одѣянiяхъ и диковинныхъ уборахъ, продвинулась до середины лагеря и здѣсь, послѣ заявленiя сопровождавшаго ее переводчика, была принята адъютантомъ короля для представленiя королю, поселившемуся въ крестьянской избѣ деревни Войсельвицъ.

Прусскій король, только что пережившій потерю Швейдница и теперь получившій извѣстiе о томъ, что русскіе осадили въ Померанiи городъ Кольбергъ, находился въ такомъ настроенiи, въ которомъ всякій блеснувшій лучъ свѣта можетъ показаться порукой болѣе свѣтлаго будущаго, и за нимъ страстно слѣдишь и уповаешь.

Въ такомъ крайне воспримчивомъ настроенiи, можетъ быть, король и рассчитывалъ на посольство въ кафтанахъ, необычайный видъ которыхъ вызвалъ насмѣшливую улыбку на губахъ окружавшихъ короля генераловъ, въ то время какъ онъ задумчиво и сосредоточенно всматривался въ пришельцевъ и въ самыхъ предупредительныхъ выраженiяхъ старался вызвать на объясненiя появившагося во главѣ посольства, представлявша-

гося съ особенной торжественностью и достоинствомъ человѣка, повидимому главнаго крымскаго дипломата.

Каково же было удивленіе короля, когда этотъ представитель посольства началъ излагать въ картинныхъ, тщательно передаваемыхъ переводчикомъ выраженіяхъ привѣтствія и пожеланія своего господина, великаго и мудраго Крымъ-Гирея, хана Крымскаго и всѣхъ татаръ Европы, и при этомъ кстати назвалъ свое имя и указалъ свое положеніе, съ которымъ соединялось и положеніе дипломата!

Мустафа-Ага—такъ онъ назвалъ себя—признался откровенно и не безъ гордости, что онъ состоитъ при своемъ господинѣ въ качествѣ брадобрея и въ этой важной должности при бахчисарайскомъ дворѣ снискалъ себѣ довѣріе, благодаря которому онъ и назначенъ въ посольство къ прусскому королю-герою, предмету глубочайшаго почитанія и удивленія великаго хана.

На королевскомъ челѣ, на которомъ послѣднія военныя событія отпечатлѣлись въ видѣ глубокихъ морщинъ, впервые послѣ долгаго времени блеснуло отраженіе того веселаго расположения духа, какое часто озаряло его въ болѣе счастливые дни при всей сдержанности властелина.

Однако Фридрихъ остановилъ потокъ соблазнительныхъ словъ изъ его слегка дрожавшихъ устъ и обратился лишь къ своимъ генераламъ съ серьезнымъ замѣчаніемъ, что не слѣдуетъ удивляться тому, что приходится видѣть брадобрея въ роли дипломата, такъ какъ у восточныхъ народовъ нѣтъ ни дворянства, ни особаго служилаго класса, и тотъ, кто болѣе искусно бреетъ своего господина, легко можетъ оказаться наиболѣе достойнымъ его довѣрія и замѣнять его въ наиболѣе важныхъ случаяхъ. *)

Между тѣмъ Мустафа-ага принялъ отъ одного лица изъ своей свиты письмо съ внушительною печатью и, склонившись на колѣни, вручилъ его королю, сохраняя на лицѣ крайне патетическое выраженіе. Это была его вѣрительная грамота, которую король развернулъ съ улыбкой, при чемъ ознакомился, по ея содержанію, съ цѣлью этой рукописной дипломатической миссіи.

Въ извѣстныхъ выраженіяхъ, способныхъ вызвать улыбку, Фридрихъ увидѣлъ себя осыпаннымъ изобиліемъ всевозможныхъ похвалъ и увѣреній и въ то же время почтеннымъ фор-

---

*) Frédéric le Grand, Histoire de la guerre de sept ans (Oeuvres V. 149).

меннымъ предложеніемъ прусско-татарскаго союза; ибо въ этомъ посланіи Крымъ-Гирей отдавалъ въ распоряженіе короля вспомогательный корпусъ изъ 16,000 человекъ татаръ и за это требовалъ лишь денежнаго вознагражденія, размѣръ котораго предполагалось установить при дальнѣйшемъ соглашеніи.

Король, повидимому, былъ очень обрадованъ этимъ предложеніемъ, и тутъ же высказался наблюдавшему каждое движеніе его лица брадобрею въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ о своемъ согласіи и признательности за дружбу Крымъ-Гирея, славнаго и храбраго влстителя на иноземномъ престолѣ, занимая который, онъ уже многократно являлъ доказательства высокоодареннаго, склоннаго къ великимъ предпріятіямъ ума, страстно желающаго присоединиться къ культурѣ запада.

Вѣдь повелитель этого брадобрея былъ не кто иной, какъ ханъ Крымъ-Гирей, который уже въ 1750 году, будучи только еще сераскиромъ Буджакской орды, отправилъ посла къ королю въ Берлинъ для выраженія чувства дружбы и удивленія, какъ отъ одного изъ тѣхъ отдаленныхъ, скрытыхъ отъ всего міра крымскихъ степныхъ героевъ, сердце котораго бьется за прусскаго короля, ведущаго войну съ половиною Европы!

Съ тѣхъ поръ Крымъ-Гирей, поднятый на щитъ безпокойнымъ племенемъ ногаевъ, былъ избранъ въ крымскіе ханы и въ послѣдствіи въ сложныхъ расчетахъ, по которымъ Фридриху оставалось повидимому использовать какія только возможно силы противъ своихъ враговъ, онъ исполнялъ опредѣленную роль.

Когда въ 1755 году, чрезъ посредство бывшаго бреславльскаго коммерческаго агента Гаудена, принятаго въ дипломатическій корпусъ подъ именемъ господина фонъ-Рексина, король возобновилъ попытку въ Константинополь по возбужденному уже ранѣе вопросу объ установленіи дружественнаго союза между Турціей и Пруссіей, онъ одновременно же поручилъ этому новому дипломату обратить свои взоры въ сторону чудеснаго Таврическаго полуострова и изслѣдовать истинныя политическія соображенія и намѣренія его поклонника, Крымъ-Гирея.

Въ Константинополь Рексинъ познакомился съ голландцемъ-неудачникомъ, кандидатомъ богословія, по имени Воскампомъ, который, въ поискахъ приключеній, покинулъ университетъ ради чина корнета въ австрійскомъ гусарскомъ полку Сплени и, вскорѣ оставивъ и эту службу, хотѣлъ попытать счастья въ Стамбулѣ, гдѣ сначала англійскій посланникъ Портеръ поль-

зовался имъ для собиранія явныхъ и тайныхъ свѣдѣній. Рексинъ, получившій о немъ отзывы въ англійскомъ посольствѣ, взялъ его къ себѣ на службу, чтобы отправить съ предварительными условіями торговаго трактата, предположеннаго между Пруссіей и Портой, курьеромъ къ королю въ Силезію, гдѣ Боскампъ, чтобы обратить на себя вниманіе, появился также въ турецкомъ одѣяніи и представился съ большимъ достоинствомъ и ловкостью.*)

При этихъ обстоятельствахъ король ознакомился съ способностями Боскампа и, по возвращеніи его въ Константинополь, на предложеніе Рексина послать его въ качествѣ агента въ Бахчисарай ко двору умнаго и предприимчиваго хана, охотно далъ свое согласіе.

Первымъ результатомъ дѣятельности Боскампа при бахчисарайскомъ дворѣ, рассчитанной на враждебное къ русскимъ настроеніе Крымъ-Гирея, была отправка облеченнаго довѣріемъ брэдобрей Мустафы къ Фридриху Великому, который однако, несмотря на то, что съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ переведенное теперь самимъ Мустафою письмо отъ хана, вдругъ былъ, повидимому, пораженъ какими-то сомнѣніями относительно всей этой исторіи.

Эти сомнѣнія могли быть сейчасъ вызваны въ душѣ короля, перенесшаго неоднократныя потрясенія во время событій послѣднихъ лѣтъ, главнымъ образомъ тѣмъ довольно подозрительнымъ обстоятельствомъ, что дипломатъ-брэдобрей вдругъ проявилъ знаніе нѣмецкаго языка.

Можетъ быть, это было тщеславіе, которое ловкій брэдобрей его татарскаго величества не считалъ удобнымъ подавить по двумъ причинамъ. Во первыхъ, онъ хотѣлъ показать, что въ качествѣ дипломата онъ владѣетъ и нѣсколькими языками, а во вторыхъ, письмо хана къ прусскому королю было изложено на придворномъ турецкомъ языкѣ, и брэдобрей полагалъ, что знаетъ его и передастъ въ нѣмецкихъ выраженіяхъ лучше, чѣмъ то смогутъ обыкновенные толмачи.

Затѣмъ, вѣроятно по профессиональной хвастливости, брэдобрей пустился въ разговоры и достаточно бѣгло сказалъ нѣсколько нѣмецкихъ фразъ, чтобы показать королю, насколько онъ даже можетъ поддерживать разговоръ.

---

*) Сравни: „Nachrichten über die Gesandtschaftsreise des Lieutenants von der Goltz zu dem Tartar-Khan“, въ „Denkwürdigkeiten für die Kriegskunst u. Kriegsgeschichte“. Берлинъ, 1819, тѣр. 6. стр. 111.

Король насупился и довольно долго разсматривалъ его молча, и во взглядѣ его проглядывало сомнѣніе. Въ умѣ Фридриха чередовались всевозможныя подозрѣнія, и на одно мгновеніе казалось, что въ ясномъ умѣ короля начинается какое-то странное затмѣніе. Ему казалось, будто передъ нимъ какіе-то ряженые, мгновенно перенесенные къ нему по хитрости его враговъ, для того, чтобы увлечь его въ свою обманчивую пляску, а затѣмъ предать его. Эти подозрѣнія совпадали съ первоначальнымъ комическимъ впечатлѣніемъ, которое должны были произвести на короля брадобрей въ качествѣ дипломата и вся театральная вышность неожиданно явившагося посольства, и онъ размышлялъ о томъ, возможно ли, чтобы его враги вдругъ стали настолько изобрѣтательны, что поднялись на хитрость и устроили эту сцену съ цѣлью узнать его дальнѣйшія намѣренія и, въ случаѣ, если бы удалось угадать его намѣренія относительно возбужденія турокъ къ войнѣ противъ Россіи, то объясненій ожидать отъ него самого.

Послѣ непродолжительной паузы король спросилъ у непрерывно болтавшаго по-нѣмецки Мустафы, гдѣ ему удалось усвоить нѣмецкую рѣчь съ такимъ совершенствомъ, какое не совсѣмъ обычно для жителя мусульманскаго государства.

Мустафа улыбнулся, на лицѣ его появилось довольное и притомъ лукавое выраженіе, и онъ счелъ, что самое подходящее время изложить великому королю всю длинную свою біографію, какъ онъ, еще будучи мальчикомъ во время штурма Очакова, былъ взятъ въ плѣнъ и какъ былъ отправленъ тогдашнимъ великимъ княземъ Петромъ III въ Голштинію, гдѣ онъ научился говорить по-нѣмецки, но стоскѣвался по родинѣ и напелъ возможность бѣжать на суднѣ, капитанъ котораго взялъ его изъ состраданія.

Король еще разъ внимательно взглянулъ на него и отдалъ распоряженіе отвести ему и его свитѣ такую квартиру, которая отвѣчала бы достоинству посольства великаго хана, дружбѣ и помощи котораго онъ придастъ величайшее значеніе.

Послѣ этого онъ потребовалъ, чтобы къ нему явились капитаны Кочей и фонъ-деръ-Гольцъ и молодой лейтенантъ фонъ-деръ-Гольцъ, съ недавняго времени состоявшій въ ближайшей свитѣ короля и пользовавшійся особымъ его вниманіемъ; въ продолжительной бесѣдѣ король поручилъ имъ поочередно занимать и развлекать татарскаго посла, войти съ нимъ въ возможно тѣсную дружбу, но при этомъ наблюдать за нимъ,

насколько возможно, и кстати всѣми силами стараться проникнуть въ самыя скрытыя цѣли его миссіи.

Затѣмъ король распорядился, чтобы приготовлены были подарки, какіе только можно было собрать среди похода, въ смыслѣ количества и качества, для самого хана и для его дипломата-брадобрея, чтобы вручить ихъ послѣдному передъ его отъѣздомъ на родину.

II.

Прусскій лейтенантъ въ Крыму.

Оправившись въ теченіе нѣсколькихъ дней въ лагерьъ подъ Штреленомъ и удовлетворивъ свое жгучее любопытство относительно постановки военнаго дѣла у пруссаковъ, брадобрей и дипломатъ Крымъ-Гирея, наконецъ, почелъ своевременнымъ испросить у короля разрѣшеніе откланяться; въ особой прощальной аудіенціи Фридрихъ еще разъ выразилъ удовольствіе и благодарность, съ которыми онъ принимаетъ дружбу и помощь, предложенныя ему повелителемъ татаръ.

Однако, по желанію короля, Мустафа-ага долженъ былъ возвратиться къ бахчисарайскому двору не одинъ, а въ сопровожденіи прусскаго лейтенанта, который долженъ былъ проводить его въ Крымъ и передать хану чувства живѣйшей дружбы, которыя питаетъ къ нему прусскій король, а также, по выясненіи военнаго положенія въ Европѣ, войти съ ханомъ въ соглашеніе относительно военныхъ дѣйствій въ ближайшемъ будущемъ.

Странное посольство изъ Крыма хотя и наводило на мысль о какой-то авантюрѣ и возбудило сомнѣніе, тѣмъ не менѣе дало опредѣленное направленіе мысли короля по ранѣе намѣченному плану.

Древній Херсонесъ Таврическій, окруженный роскошнѣйшими цвѣтами античной мифологіи и поэзіи, мгновенно оказался новой исходной точкой для самыхъ смѣлыхъ плановъ среди непрерывной цѣпи военныхъ соображеній и расчетовъ короля.

Намѣренія короля первымъ дѣломъ клонились къ тому, чтобы вызвать предприимчиваго крымскаго хана съ его татарскими ордами на вторженіе въ русскіе предѣлы и этимъ вызвать осложненія, которыя, по мнѣнію Фридриха, должны были скрывать многообѣщающія послѣдствія.

Затѣмъ король полагалъ, что теперь этимъ путемъ должно бы лучше всего удасться втянуть Порту, до сихъ поръ довольно упорно сопротивлявшуюся заключенію съ Пруссіей политическаго и военнаго союза, во враждебныя дѣйствія противъ Россіи, такъ какъ въ Константинополѣ, если только крымскій ханъ нанесетъ первый ударъ и повергнетъ въ опасность страну и положеніе, врядъ-ли замедлятъ оказать ему поддержку.

Такимъ способомъ Фридрихъ думалъ изъ этого отдаленнаго пункта вызвать противодѣйствіе, которое могло казаться настолько значительнымъ, что русскіе могли бы быть принуждены покинуть Померанію, и можно было бы спасти Курмаркъ (Курляндію), съ нѣкоторыхъ поръ подвергавшійся грозной опасности.

Тѣ шестнадцать тысячъ татаръ, которыя предлагаетъ ему Крымъ-Гирей, тогда, по мнѣнію Фридриха, было бы лучше использовать для вторженія въ Венгрію, потому что этимъ австрійская императрица была бы вызвана на защиту Венгріи болѣе сильными отрядами регулярныхъ войскъ, чѣмъ до сихъ поръ, вслѣдствіе чего австрійскія войска, съ которыми предстояло пруссакамъ воевать весною, по необходимости были бы уменьшены до половиннаго числа и представлялись бы такимъ образомъ уже ослабленными.*)

Другое предложеніе хану со стороны короля состояло въ томъ, чтобы ханъ снарядилъ отдѣльный вспомогательный корпусъ въ 6—7 тысячъ татаръ, во главѣ котораго долженъ былъ стать лейтенантъ фонъ-деръ-Гольцъ, чтобы съ ними, какъ только начнутся враждебныя дѣйствія между русскими и татарами, направиться черезъ Польшу вдоль долины Карпатскихъ горъ къ Коселю, куда онъ долженъ былъ прибыть со своимъ дикимъ отрядомъ къ концу марта мѣсяца.

Барону Александру фонъ-деръ-Гольцу шелъ только еще 22-ой годъ, когда довѣріемъ короля на него были возложены обширныя обязанности посла, касавшіяся политическаго положенія Европы въ наиболѣе рѣшающихъ точкахъ.

Молодой человекъ, одаренный характеромъ, энергіей и здравымъ разсудкомъ, взялъ на себя порученіе, напоминающее авантюру, съ воодушевленіемъ, которое легко могло быть вызвано грандіозностью и интересомъ предпріятія.

---

*) Frédéric le Grand, Histoire de la guerre de sept ans (Oeuvres V. 150). — Denkwürdigkeiten für die Kriegskunst u. Kriegsgeschichte, H. 6. S. 113.

Одновременно король вручилъ ему, какъ особый подарокъ, подлежавшій собственноручному подпесенію хану, драгоценную, осыпанную брилліантами табакерку и ключъ къ шифру на французскомъ языкѣ, для изложенія донесеній изъ Крыма и во время пребыванія при дворѣ великаго Крымъ-Гирея.

Прощаясь съ лейтенантомъ, король не шутя предостерегъ его, чтобы во все время путешествія Гольцъ былъ насторожѣнъ и отнюдь не упускалъ изъ виду страннаго дипломата Мустафы и всѣхъ его дѣйствій.

Такимъ образомъ подготовленный, въ юношески веселомъ настроеніи отправился Гольцъ въ путь въ обществѣ Мустафы, который считалъ себя въ правѣ неимовѣрно гордиться тѣмъ, что добился чести вести къ себѣ на родину прусскаго воина и при своей разговорчивости и веселомъ настроеніи духа долженъ былъ оказаться превосходнымъ спутникомъ въ дальнемъ и съ каждымъ днемъ становившемся все труднѣе пути къ Таврическому полуострову.

Путешественники направились отъ Бреслава черезъ Польшу и Карпаты и безъ всякихъ приключеній черезъ Яссы прибыли къ городу Бендерамъ на Днѣстрѣ, гдѣ Гольцъ вдругъ почувствовалъ такой сильный приступъ лихорадки, что долженъ былъ признать невозможнымъ дальнѣйшее путешествіе.

Трудность непомѣрно ускореннаго путешествія въ связи съ вліяніями погоды и климата свалили здороваго юношу и отняли у него силы.

Въ единственной въ Бендерахъ дрянной гостинницѣ Гольцъ долженъ былъ остаться подъ надзоромъ своего слуги, безъ всякой посторонней помощи, даже безъ ухода какого бы то ни было врача.

Мустафа счелъ за наилучшее самому отправиться въ Бахчисарай и принести хану извѣстіе, что въ пути къ нему находится посланный отъ прусскаго короля, но его задержала болѣзнь.

Сострадательный брадобрей не преминулъ указать Гольцу строгія правила, которыхъ ему слѣдовало держаться, и изъ нѣсколькихъ неизвѣстныхъ составныхъ веществъ приготовилъ для своего коллеги по дипломатіи какой-то напитокъ. Однако Гольцъ предпочелъ положиться на свою молодость и натуру, чѣмъ довѣряться напитку своего новаго друга, какъ тотъ ни увѣрялъ, что этимъ лѣкарствомъ онъ каждый разъ будто бы побѣждалъ приступы лихорадки у своего господина, великаго хана.

Между тѣмъ почти непрерывно двѣ недѣли пришлось ему пролежать въ постели, въ грустномъ одиночествѣ, въ узенькой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, въ которой трудно было дышать, а не то, что выздороветь.

Однако въ одно прекрасное утро Гольцъ поднялся съ постели въ счастливомъ сознаніи, что силы къ нему вернулись, и въ то же мгновеніе его вниманіе было обращено на прибывшую повозку, которая остановилась у дверей гостинницы и оказалась въ видѣ роскошно украшенныхъ саней съ крышей на подобіе навѣса.

Рослый татаринъ, нѣсколько разъ щелкнувшій своимъ кнутомъ для того, чтобы объявить во всеуслышаніе о своемъ прибытіи, соскочилъ съ козелъ повозки и сдвинулъ на затылокъ свою похожую на тюрбанъ мѣховую шапку, закрывавшую лобъ и глаза, и въ мечтательномъ настроеніи сталъ сначала разсматривать домъ, у котораго остановился.

Между вышедшимъ хозяиномъ дома и новоприбывшимъ татаринномъ завязался продолжительный разговоръ, и по мимикѣ и движеніямъ говорившихъ Гольцъ, наблюдавшій за ними сверху изъ окна, догадывался, что разговоръ идетъ какъ будто о немъ. И не прошло много времени, какъ поднялся къ нему хозяинъ гостинницы, который, исполняя и роль переводчика, почтительнѣйше сообщилъ, что крымскій ханъ прислалъ въ распоряженіе Гольца свою повозку, для того, чтобы онъ, когда будетъ въ силахъ и пожелаетъ, могъ вполне безопасно отправиться въ ханскую столицу Бахчисарай.

Гольцъ тутъ же объявилъ, что готовъ отправиться въ путь, и, въ сознаніи возвратившихся силъ, тотчасъ же распорядился относительно приготовленій къ дальнѣйшему путешествію.

Стоялъ веселый зимній солнечный день; въ лучахъ солнца какъ будто по праздничному блестѣлъ на поляхъ и съ горъ бѣлый снѣгъ. Чудная поѣздка не могла бы состояться при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, и съ довольной улыбкой Гольцъ усѣлся въ помѣстительныхъ саняхъ, въ то время какъ татаринъ-возница, низкимъ поклономъ привѣтствовавшій прусскій военный мундиръ, сталъ чрезвычайно заботливо хлопотать вокругъ Гольца, желая укрыть его теплѣе и болѣе удобно усадить въ саняхъ.

Послѣ этого простодушный по виду татаринъ простоялъ еще недолго передъ нимъ, разглаживая свои ниспадающіе усы и какъ-бы погрузившись въ созерпаніе своего сѣдока, пока, на-

конецъ, обращенные на него нетерпѣливые взгляды Гольца не заставили татарина ухватиться за кнутъ и вскочить на козлы.

Гольцъ, между прочимъ, замѣтилъ, что возница его былъ хорошо вооруженъ, а именно: за широкимъ поясомъ его видно было оружіе на подобіе кинжала, повидимому, предназначенное главнымъ образомъ для защиты. Эти соображенія заставили самого Гольца бросить испытующій взглядъ на собственное вооруженіе, и когда оно оказалось въ порядкѣ, Гольцъ, дружелюбно ударивъ татарина рукою по плечу, этимъ далъ послѣдній знакъ къ отъѣзду.

Сани полетѣли стрѣлою, и уединенная, не вполне безопасная дорога, среди дикой природы направлявшаяся въ Крымъ, смѣнялась съ быстротой и увѣренностью, что вызывало въ путешественникѣ величайшее удивленіе.

Путь былъ выбранъ черезъ Очаковъ, Кинбурнъ и черезъ устья Днѣпра, чтобы послѣ большихъ дневныхъ перегоновъ добраться до крымскихъ воротъ, расположенныхъ въ уединенной мѣстности Перекопа.

Дикая и однообразная картина необозримой степи, по временамъ вызывавшей ужасъ своимъ безжизненнымъ видомъ, по мѣрѣ приближенія къ Перекопу стала своеобразно оживляться съ появленіемъ безчисленнаго множества повозокъ, нагруженныхъ солью, встрѣчавшихся путникамъ во всѣхъ направленіяхъ.

Соляныя озера, представлявшія источникъ обширной промышленности, вели къ истинному центру ея—небольшому, довольно мрачному, но выдающемуся по своему замѣчательному положенію Перекопу, расположенному на перепейкѣ, соединяющемъ Крымскій полуостровъ съ Россіей.

Высокія каменные ворота, устроенныя среди вала въ семь съ половиною верстъ длиною, открыли путникамъ доступъ въ чудесную страну, одаренную природою естественными благами и своеобразнымъ населеніемъ.

Эти ворота, по-своему величественныя и отвѣчающія своему достоинству, по странной тѣснотѣ ихъ прохода скорѣе казались приспособленными препятствовать, чѣмъ открывать доступъ въ нихъ, что, безъ сомнѣнія, скрывалось въ ихъ назначеніи пресѣкать всякую возможность контрабандной торговли солью *).

---

*) Сравни „Marquis G. de Castelnau, Essai sur l'histoire de la Nouvelle Russie, III, 140.—M. von Engelhardt u. F. Parrot, Reise in die Krim u. dem Kaukasus, I, 5.